

Хроники
Некрономикона

Говард Филлипс Лавкрафт
ЗОВ КТУЛХУ

Издание 4-е

Ростов-на-Дону

ЕНИКС

2024

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7)-31

КТК 654

Л13

Перевод:

В. Н. Дорогокупля, С. Б. Лихачёва,

И. А. Богданов, Е. В. Нагорных

Иллюстрации Ивана Иванова

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Зов Ктулху / Г. Ф. Лавкрафт ; пер. с англ. В. Н. Дорогокупля, С. Б. Лихачёвой, И. А. Богданова, Е. В. Нагорных; примечания В. Н. Дорогокупля. — Изд. 4-е. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 252, [2] с. : ил. — (Хроники Некрономикона).

ISBN 978-5-222-42262-5

В этот том собрания избранных произведений одного из величайших мастеров фантастики и «литературы ужасов» вошла повесть «За гранью времен» и подборка рассказов. Бессмертные произведения Лавкрафта гармонично дополняют эксклюзивные рисунки Ивана Иванова. Все произведения сопровождаются подробными примечаниями известного специалиста по творчеству Лавкрафта, переводчика и писателя В.Н. Дорогокупля.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-42262-5

© Оформление: ООО «Феникс», 2020

© Иллюстрации: Иванов И., 2020

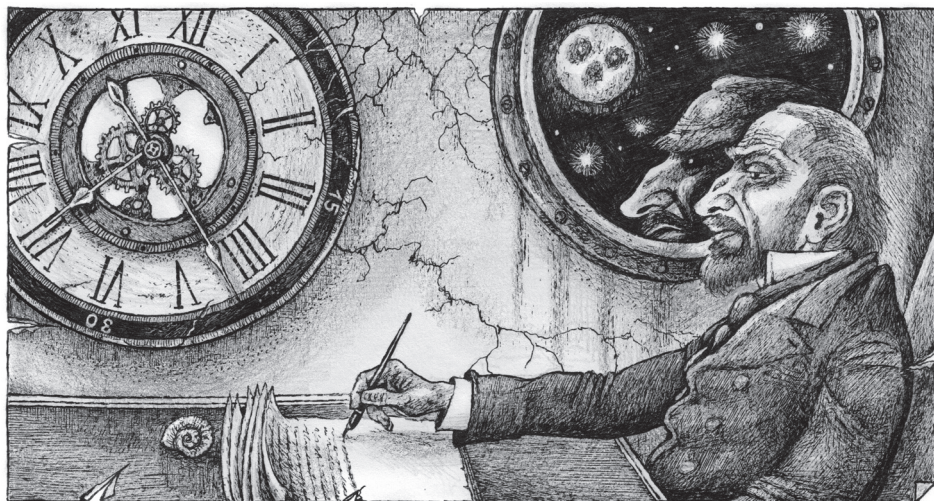
© Перевод: Дорогокупля В.Н.,
Лихачёва С.Б., Богданов И.А.,
Нагорных Е.В.

© Примечания: Дорогокупля В.Н.

ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН

ПОВЕСТЬ

ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН

I

После двадцати двух лет непрерывных ночных кошмаров, после бесчисленных попыток избавиться от диких и невероятных фантазий, ставших со временем частью моей жизни, я не рискну поручиться за полную достоверность описываемых ниже событий, имевших место — если это был все же не сон — в Западной Австралии в ночь с семнадцатого на восемнадцатое июля 1935 года. Во всяком случае, я еще не потерял надежду на то, что все происшедшее было просто еще одной из множества галлюцинаций, благо поводов для нервного расстройства у меня в те дни хватало с избытком. Но, увы, и эта слабая надежда каждый раз угасает, едва соприкоснувшись со страшной реальностью.

Итак, если выяснится, что все случившееся не является плодом моего воображения, человечеству останется лишь воспринять это как предупреждающий знак, поданный нам таинственными силами Вселенной, и отказаться от непомерных амбиций, осознав ничтожность собственного бытия в кипящем водовороте времени. Ему также следует быть готовым к встрече с доселе неведомой опасностью, которая, даже не будучи в состоянии охватить целиком всю нашу расу, может обернуться чудовищными и непредсказуемыми последствиями для многих наиболее смелых и любознательных ее представителей.

Последнее обстоятельство и побудило меня выступить с этим сообщением, дабы предостеречь людей от попыток проникнуть в тайну тех древних развалин, которые не так давно стали предметом исследований возглавляемой мною экспедиции.

Я утверждаю, что в ту ночь, находясь в здравом уме и памяти, я столкнулся с явлением, могущим в корне переменить наш взгляд на окружающий мир. Все, что я стремился развенчать как легенду и вымысел, получило, наоборот, ужасающее подтверждение. Я отчасти даже благодарен охватившей меня тогда панике, ибо она стала причиной потери одной вещи, которая, будь она извлечена из той губительной бездны, явилась бы окончательным и неопровержимым доказательством моей правоты.

Я был единственным, кто все это видел, — и до сих пор я никому об этом не рассказывал. Я не мог помешать другим продолжить начатые мною раскопки, но, к счастью, непрерывные бури и движущиеся пески пока еще не позволили им добиться успеха. Мною движет не столько забота о собственном душевном равновесии, сколько желание предупредить тех, кто отнесется ко всему здесь написанному всерьез.

Данный отчет — значительная часть которого на первых порах не сообщит ничего нового людям, следящим за публикациями в прессе, особенно в некоторых научных изданиях, — пишется сейчас в каюте корабля, везущего меня домой. По завершении этой работы я передам ее моему сыну, Уингейту Пизли, профессору Мискатоникского университета, — единственному члену моего семейства, не оставившему меня после того давнего случая с амнезией и лучше других осведомленному о некоторых обстоятельствах моей жизни. Во всяком случае, он менее всех прочих будет склонен подвергать сомнению то, что я собираюсь поведать о событиях той роковой ночи.

Я ничего не сказал ему до своего отплытия, почтя за лучшее сделать это в письменной форме. Последовательное изложение на бумаге создаст более полную и убедительную картину происшедшего, чем это мог бы сделать мой бессвязный и взволнованный устный рассказ.

Дальнейшая судьба этих записок будет зависеть только от моего сына — он волен передать их, сопроводив собственными комментариями, в любые инстанции, какие сочтет наиболее для того подходящими. Что же касается тех возможных читателей, кто не знаком с обстоятельствами, предшествовавшими моему открытию, то специально ради них я предпосылаю сему труду достаточно пространную вводную часть.

Итак, меня зовут Натаниэль Уингейт Пизли; имя мое должно быть известно тем, кто еще помнит газетные истории, наделавшие шуму лет

тридцать назад, или более поздние — шести-семилетней давности — письма и статьи в специальных журналах по психологии. В печати тогда широко обсуждались подробности странной формы амнезии, в которой я находился с 1908 по 1913 год; распространению всевозможных слухов немало способствовали предания и легенды, связанные с колдовством, магией и разными жуткими проявлениями безумия, по сей день бытующие в окрестностях небольшого старинного городка в штате Массачусетс, который был и остается моим основным местом жительства. Должен сразу оговориться, что ни моя наследственность, ни ранние годы жизни не позволяли предполагать наличие отклонений в умственном развитии или каких-нибудь иных нарушений психики. Этот факт представляется важным, поскольку далее речь пойдет об удивительных явлениях, существующих где-то *вне* моего бытия и лишь по прихоти судьбы отбросивших на меня свою зловещую тень.

Может статься, что сам этот столетиями сохранявшийся дух города Аркхема с его ветхими домами, населенными призраками далекого прошлого, оказался особенно уязвимым для проникновения подобного рода теней, — хотя и эта версия кажется мне весьма сомнительной, принимая во внимание характер последовавших за тем событий. Главным здесь является то, что я по своему происхождению и биографии мало чем отличаюсь от большинства местных жителей. Перемена пришла откуда-то извне — откуда именно, я по сей день затрудняюсь описать словами.

Родителями моими были Джонатан и Ганна (Уингейт) Пизли, происходившие из двух коренных хаверхильских семей. Я родился и рос в Хаверхилле, в старой усадьбе на Бордмен-стрит близ Голден-Хилл, и не бывал в Аркхеме до тех пор, пока в 1895 году не устроился в Мискатоникский университет на должность преподавателя политической экономики.

С той поры еще в течение тринадцати лет жизнь моя текла спокойно и размеренно. В 1896 году я женился на Алисе Кизар, также родом из Хаверхилла; трое моих детей — Роберт, Уингейт и Ганна — появились на свет соответственно в 1898, 1900 и 1903 годах. В 1898 году я стал адъюнкт-профессором, а с 1902 года носил уже полное профессорское звание и ни разу за все это время не проявлял интереса ни к оккультизму, ни к психопатологии.

Но вот однажды — это был четверг четырнадцатого мая 1908 года — произошел тот самый странный припадок амнезии. Все случилось внезапно, хотя позднее я пришел к выводу, что неясные видения, короткими вспышками возникавшие за несколько часов до того — нечто

бессмысленно хаотическое, встревожившее меня в первую очередь своей неординарностью, — вполне могли быть расценены как своеобразные предваряющие симптомы. Голова моя буквально раскалывалась, я испытывал такое чувство, будто кто-то со стороны пытается проникнуть в самые глубины моего сознания.

Припадок как таковой начался около десяти часов двадцати минут утра, в тот момент, когда я вел занятия по политической экономии — история и современные тенденции развития экономических учений — для младшего курса и нескольких присутствовавших в зале студентов постарше. Вдруг перед моими глазами возникли какие-то странные образы, мне показалось, что я нахожусь не в классной комнате, а в совершенно ином помещении самого необычного, даже абсурдного, вида. Мысли и речь помимо моей воли отдалились от обсуждаемого предмета, и студенты тотчас заметили, что здесь творится что-то неладное. Затем я, теряя сознание, тяжело рухнул на стул и погрузился в обморок, из которого меня так и не смогли вывести. В свое нормальное состояние я вернулся через пять лет, четыре месяца и тринадцать дней.

Позднее мне рассказали, что со мной тогда происходило. Я почти не подавал признаков жизни в течение шестнадцати с половиной часов, несмотря на все усилия врачей, к тому времени уже перевезших меня в мой дом на Крэйн-стрит, 16. В три часа утра пятнадцатого мая мои глаза открылись и я подал голос, но очень скоро врачи и члены моей семьи пришли в сильнейшее смятение от того, что и как я говорил. Было ясно, что я не представляю себе, кто я такой, и не помню ничего из собственного прошлого, хотя по какой-то причине я, как им показалось, всячески старался скрыть этот пробел в своих знаниях. Взгляд мой, останавливаясь на окружающих, явно их не узнавал, а движения лицевых мышц резко отличались от моей обычной мимики.

Да и сама речь моя была сильно затруднена, скована и вообще казалась речью иностранца. Я испытывал определенные сложности с управлением своими речевыми органами, а моя манера выражаться имела тот неестественно выпренный оттенок, какой бывает характерен для людей, долго и основательно изучавших английский язык по книгам и при этом полностью лишенных живого языкового общения. Произношение было каким-то по-варварски чужеродным, а словарь включал в себя как давно уже забытые архаизмы, так и совершенно непостижимые новообразования.

В числе последних было одно выражение, впоследствии — спустя двадцать лет — вспомнившееся самому молодому из врачей при обстоятельствах, глубоко его поразивших. Ибо теперь он услышал это

выражение вторично — на сей раз уже как новый термин, получающий все большее распространение сначала в Англии, а затем и в Соединенных Штатах. Несмотря на сложность и безусловную новизну этого термина, он в мельчайших деталях воспроизводил те загадочные слова, что были услышаны доктором в Аркхеме весной 1908 года.

На моем физическом состоянии болезнь практически не отразилась, хотя мне потребовалось довольно много времени для того, чтобы вновь научиться владеть всеми частями тела и выполнять даже самые простые и обыденные операции. По этой и ряду иных причин, связанных с потерей памяти, я еще долго находился под строгим медицинским наблюдением.

Когда я наконец понял, что все мои попытки утаить от окружающих провалы в памяти оказываются тщетными, я открыто признал этот факт и начал с удивительной жадностью заново накапливать всевозможную информацию. Вскоре докторам начало казаться, что, едва убедившись в достаточно спокойном отношении людей к постигшей меня болезни, я совсем перестал интересоваться своим прошлым и собственной личностью вообще. Вместо этого я сосредоточил основные усилия на изучении отдельных вопросов истории, естественных наук, искусства, языка и фольклора, причем если некоторые из них были чрезвычайно трудны для понимания, то другие были совершенно элементарны и известны чуть ли не каждому ребенку, но каким-то образом умудрились изгладиться из моей памяти.

Зато, как вскоре выяснилось, я обладал обширными познаниями в областях, недоступных для современной науки, — познаниями, которые я не только не стремился проявить, но и по возможности утаивал. Так, однажды я имел неосторожность сослаться в разговоре на некоторые исторические факты, относящиеся к временам гораздо более древним, чем в состоянии были представить себе наши ученые-историки, — и тут же поспешил обратить свои слова в шутку, заметив неподдельное изумление на лицах собеседников. Кроме того, я имел весьма странную привычку рассуждать о будущих событиях как об уже совершившихся, что два или три раза вызвало у людей настоящий испуг.

Понемногу подобные необычные проявления случались все реже, а потом и вовсе прекратились, хотя некоторые наблюдатели были склонны приписать их исчезновение принятым мною мерам предосторожности, а отнюдь не утрате самих этих сверхъестественных знаний. В самом деле, я выказывал поразительную активность в изучении языков, обычаев и перспектив развития окружающей меня цивилизации, напоминая при

этом любознательного путешественника, прибывшего сюда из каких-то далеких чужих краев.

Получив соответствующее разрешение, я целыми днями просиживал в библиотеке колледжа, а еще какое-то время спустя предпринял ряд весьма необычных экспедиций, в промежутке между которыми прослушал специальные курсы лекций в американских и европейских университетах, — все это вызывало множество разных толков на протяжении нескольких последующих лет.

В тот период времени мое уникальное заболевание принесло мне определенную известность среди крупнейших светил психологии — известность, которой я как мог пользовался для расширения своих контактов в научных кругах. Неоднократно мне приходилось фигурировать на лекциях в роли экспоната, демонстрируя в своем лице типичный экземпляр повторного формирования личности, при этом я часто ставил лекторов в тупик своими эксцентричными заявлениями и заставлял их подозревать во всем этом тщательно скрываемую издевку.

Мне крайне редко случалось встречать по-настоящему дружелюбный прием. Что-то в моем облике и речи отпугивало людей и пробуждало в них чувство антипатии, словно я был существом бесконечно далеким от всего, что они считали здоровым и естественным. Постепенно разговоры о темной и мрачной бездне, заключенной в самой природе моего сознания и связанной с моей непреодолимой отчужденностью от окружающего мира, переросли в устойчивое и почти единодушное мнение.

Моя собственная семья мало отличалась в этом смысле от всех прочих. С момента моего странного пробуждения жена воспринимала меня с крайним ужасом и неприязнью, утверждая, будто видит во мне кого-то чужого и абсолютно ей неизвестного, вселившегося в тело ее супруга. В 1910 году она оформила официальный развод и даже позднее, после возвращения меня в нормальное состояние в 1913 году, категорически отказывалась со мной встречаться. Точно так же относились ко мне мой старший сын и дочь — совсем еще дитя; никого из них с тех пор я не видел.

И лишь мой второй сын, Уингейт, нашел в себе силы преодолеть страх и отвращение, вызванные случившейся со мной переменой. Он также чувствовал во мне чужака, но, несмотря на свой малый возраст — ему тогда было лишь восемь лет, — сохранял надежды на то, что однажды мое настоящее «я» вернется в свою телесную оболочку. Когда это и впрямь произошло, он немедленно меня разыскал и вскоре законным порядком перешел под мою опеку. Все последующие годы он

оказывал посильную помощь в моих изысканиях, и сегодня, в возрасте тридцати пяти лет, он уже носит звание профессора Мискатоникского университета.

Но в период амнезии я ничуть не удивлялся и почти не обращал внимания на страх и ненависть, которые сеял вокруг себя, ибо сознание, голос и выражение лица того существа, что проснулось пятнадцатого мая 1908 года, на самом деле не имели ничего общего с Натаниэлем Уингейтом Пизли.

Я не собираюсь рассказывать здесь во всех подробностях о своей жизни с 1908 по 1913 год — желающие могут ознакомиться с ними, просмотрев подшивки старых газет и научных журналов, как поступил впоследствии и я сам. Скажу лишь, что, будучи признан в целом вменяемым и допущен к пользованию своими денежными средствами, я расходовал их достаточно рачительно, большей частью на путешествия и на занятия в различных центрах науки и культуры. Путешествия мои, однако, никак нельзя было отнести к разряду обычных: как правило, я надолго исчезал в самых отдаленных и пустынных уголках планеты.

Так, в 1909 году я провел месяц в Гималаях, а в 1911 привлек внимание прессы своим походом на верблюдах вглубь неисследованных пустынь Аравийского полуострова. Что происходило во время этих экспедиций — навсегда осталось загадкой, в том числе теперь и для меня самого.

Летом 1912 года я зафрахтовал судно, на котором предпринял плавание в арктические широты на север от Шпицбергена, по возвращении откуда выказывал явные признаки разочарования. В конце того же года я в полном одиночестве провел несколько недель в громадном комплексе известковых пещер в Западной Виргинии, намного превзойдя по продолжительности экспедиции как своих предшественников, так и всех позднейших исследователей. Система этих лабиринтов столь запутана, что проследить мой маршрут в их глубинах не представляется возможным.

Говоря о моих научных занятиях, нельзя не отметить необычайно высокие темпы усвоения информации; судя по всему, интеллектуальные возможности моей второй личности на несколько порядков превосходили мои собственные — те, что были изначально даны мне природой. Скорость чтения и работоспособность были просто феноменальными. Я мог запомнить во всех подробностях содержание книги, лишь бегло перелистав ее страницы, а моя способность мгновенно разгадывать сложнейшие умопостроения и извлекать из них самую суть производила на ученых мужей воистину потрясающий эффект.

Время от времени в газетах появлялись статьи почти скандального характера, в которых утверждалось, будто я могу по своей воле изменять и направлять мысли и действия других людей, хотя я, безусловно, старался не злоупотреблять этим опасным даром.

Другие сообщения подобного рода касались моих близких сношений с представителями различных оккультных обществ, а также с учеными, которых не без основания подозревали в связях с некими мистическими сектами, ведущими свое происхождение с древнейших времен. Все эти слухи, не получившие тогда реального подтверждения, в значительной мере провоцировались моим пристрастием к чтению трудов весьма сомнительного содержания — ведь, справляясь в библиотеке о редких старинных книгах, практически невозможно сохранить это дело в тайне.

Имеются свидетельства — подкрепленные моими собственноручными пометками на полях книг — того, что я очень внимательно изучил такие произведения, как «Cultes des Goules» графа д'Эрлетта, «De Vermis Mysteriis» Людвиг Принна, «Unaussprechlichen Kulten» фон Юнцта, уцелевшие фрагменты из загадочной «Книги Эйбона», а также «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда. И потом, ни для кого не являлась секретом беспрецедентная активизация всевозможных магических и сатанинских культов как раз в период моего странного превращения.

К лету 1913 года я начал проявлять признаки апатии и не раз намекал на какие-то грядущие перемены в моем состоянии. Я говорил, что во мне начинают пробуждаться воспоминания о прежней жизни; правда, большинство знакомых считали это обычной уловкой, ибо все мои откровения касались лишь тех фактов, которые могли быть позаимствованы из моей частной переписки прошлых лет.

В середине августа я вернулся в Аркхем и поселился в своем давно уже пустовавшем доме на Крэйн-стрит. Там я установил необычного вида прибор, собранный по частям различными фирмами-изготовителями научной аппаратуры в Европе и Америке и тщательно охраняемый от взоров специалистов, могущих сделать какие-нибудь догадки о его назначении.

Те, кто видел этот прибор — привезший его рабочий, служанка и новая экономка, — в один голос утверждали, что это была ни с чем не сравнимая мешанина из рычагов, колес и зеркал высотой не более двух футов, шириной и длиной в один фут. Выпуклое центральное зеркало аппарата имело идеально круглую форму. Все эти сведения впослед-

ствии подтвердились изготовителями каждой отдельной детали из числа упомянутых в описании.

Вечером в пятницу двадцать шестого сентября я отпустил экономку и прислугу до следующего полудня. Допоздна в доме горел свет, и я находился там не один — соседи видели, как к крыльцу подкатил на автомобиле худой темноволосый мужчина, в котором по каким-то неуловимым приметам безошибочно угадывался иностранец.

Последний раз свет в окнах видели около часу ночи. В два часа пятнадцать минут совершавший обход полицейский заметил, что автомобиль все еще стоит у обочины тротуара; в доме было темно. При повторном обходе около четырех часов автомобиля на месте не оказалось.

В шесть часов утра зазвонил телефон в доме доктора Уилсона и запинаящийся голос с сильным иностранным акцентом попросил доктора заехать ко мне домой и вывести меня из состояния глубокого обморока. Этот звонок — а он пришел по междугородной линии — был сделан, как впоследствии установила полиция, из телефонной будки на Северном вокзале Бостона; что же до странного иноземца, то никаких следов его существования обнаружено не было.

Когда доктор прибыл ко мне домой, он нашел меня полулежащим в мягком кресле посреди гостиной. Я был без сознания. На полированной поверхности стола, придвинутого почти вплотную к креслу, остались царапины и вмятины, указывавшие на то, что здесь прежде стоял какой-то сравнительно крупный и массивный предмет. Необычного аппарата в доме не оказалось, и никаких известий о нем с тех пор не поступало. Несомненно, ночной пришелец забрал аппарат с собой.

В камине домашней библиотеки была найдена целая гора еще теплого пепла, очевидно, оставшегося после сожжения всех — до мельчайшего клочка — бумаг, на которых остались мои записи, сделанные с момента наступления амнезии. Мое дыхание внушило доктору Уилсону некоторые опасения, но после подкожной инъекции оно выровнялось и стало спокойней.

В одиннадцать часов пятнадцать минут утра двадцать седьмого сентября мое тело начало шевелиться, а на застывшем, как маска, лице стало проглядывать живое выражение. Доктор Уилсон обратил внимание на то, что выражение это больше напоминало мой первоначальный облик, нежели облик, характерный для моего *alter ego*. Около половины двенадцатого я произнес несколько звуковых сочетаний, мало походивших на человеческую речь. Казалось, я веду борьбу с чем-то внутри себя. Наконец, уже после полудня — к тому времени в доме появи-

лись отпущенные мной накануне служанка и экономка, — я заговорил по-английски:

— ...Среди ортодоксальных экономистов того периода мы можем выделить Джевонса как типичного представителя преобладавшей тогда тенденции к соотнесению, казалось бы, далеких друг от друга научных понятий. Он, в частности, пытался установить связь между экономическими циклами процветания и депрессии и циклическим образованием и исчезновением пятен на поверхности Солнца, что можно считать своего рода вершиной подобных...

Натаниэль Уингейт Пизли вернулся — нелепый призрак из прошлого, на временной шкале которого все еще значилось майское утро 1908 года, университетская аудитория и ряды студентов-первокурсников, не сводящих глаз с обшарпанного стола на лекторской кафедре.

II

Мое возвращение к нормальной жизни оказалось трудным и болезненным процессом. Потеря пяти лет создает в этом плане гораздо больше проблем, чем это можно себе представить на первый взгляд, а в моем случае имелось еще множество дополнительных сложностей.

Все, что я узнал о своих действиях в период с 1908 года, крайне меня озадачило и огорчило, но я постарался смотреть на эти вещи философски. Поселившись со своим вторым сыном, Уингейтом, в доме на Крэйн-стрит, я попытался возобновить преподавательскую деятельность — моя прежняя профессорская должность была любезно предложена мне руководством колледжа.

Я вышел на работу в феврале 1914 года и продержался несколько семестров, к этому времени окончательно убедившись в том, что последние пять лет не прошли даром для моего здоровья. Хотя мои умственные способности как будто не пострадали — по крайней мере, я очень хотел бы на это надеяться — и личность моя восстановилась во всей ее цельности, я не мог сказать того же о своих нервах. Меня часто преследовали неясные тревожащие сны; порой мне в голову приходили идеи самого странного свойства, а когда начавшаяся мировая война направила мои мысли в историческую плоскость, я вдруг обнаружил, что рассматриваю события прошлого с какой-то совершенно необычной — чтоб не сказать неприемлемой для нормального человека — точки зрения.

Мои представления о *времени* — в частности, моя способность проводить грань между последовательным и одновременным — казались

отчасти нарушенными; у меня иногда появлялись химерические идеи о возможности, живя в каком-то конкретном временном промежутке, перемещать при этом свое сознание в пределах вечности с целью непосредственного изучения как прошлых, так и будущих веков.

В связи с продолжающейся войной у меня порой возникало такое чувство, будто я могу вспомнить некоторые из ее весьма отдаленных последствий — словно я уже знал ее итоги и мог смотреть на нее *ретроспективно*, владея информацией о событиях, которым еще только предстояло свершиться. Все эти псевдовоспоминания сопровождались приступами сильной боли и ощущением искусственного психологического барьера, отделяющего их от остальных участков моей памяти.

Когда я в разговорах с другими пробовал осторожно намекнуть на эти свои впечатления, ответная реакция была самой разной. Иные глядели на меня подозрительно, иные с оттенком сожаления, а некоторые мои знакомые с математического факультета сразу подхватили тему и сообщили мне о новых открытиях в теории относительности, тогда обсуждавшихся в узких научных кругах и лишь позднее получивших широкую известность. Доктор Альберт Эйнштейн, сказали они, скоро уже низведет понятие времени до статуса одного из нескольких обычных измерений, свободное перемещение в пределах которого будет не так уж и невозможно.

Между тем причуды расстроенного воображения захватывали меня все больше, что повлекло за собой мой уход с работы в 1915 году. Некоторые из ощущений начали приобретать раздражающую отчетливость: мне все чаще приходила в голову мысль о том, что моя амнезия была своего рода насильственным обменом, что мое второе «я» было в действительности некой внешней силой, происходившей из далеких и неведомых нам сфер, и что моя собственная личность была подвергнута одновременному встречному перемещению.

Так я постепенно перешел к размышлениям на весьма скользкую и опасную тему, а именно: о местопребывании моей настоящей личности в те годы, когда чья-то чужая воля распоряжалась моей физической оболочкой. Необычный круг интересов и странное поведение этого «временного владельца» беспокоили меня все сильнее, и я продолжал выискивать все новые и новые подробности в газетах и журналах тех лет, а также в свидетельствах очевидцев.

Оказалось, что многие связанные с этим делом странности каким-то жутким образом сочетались с расплывчатыми и туманными образами, которые иной раз возникали в моем мозгу. Я принялся лихорадочно

искать любые зацепки, любые крохи информации о научных занятиях и путешествиях моего зловещего двойника.

Впрочем, отнюдь не все мои тревоги концентрировались вокруг этого полуабстрактного предмета. Еще одним беспокоившим меня моментом были сны, которые постепенно становились все более живыми и конкретными. Догадываясь о том, как они будут восприняты окружающими, я избегал говорить на эту тему с кем бы то ни было, за исключением моего сына и нескольких врачей-психологов, которым вполне доверял. Позднее, однако, я решился провести довольно основательное исследование всех схожих случаев заболевания, дабы выяснить, насколько типичными или, наоборот, нетипичными были подобные видения среди людей, оказавшихся жертвами амнезии.

Результаты этого исследования, подкрепленные авторитетом опытных психологов, историков, антропологов и психиатров и основанные на данных обо всех известных случаях раздвоения личности, начиная с легенд об одержимых дьяволом и кончая современными научно аргументированными фактами, не только не успокоили, но скорее еще больше встревожили и напугали меня.

Как выяснилось, мои сны не имели аналогов среди громадного большинства описанных в разное время случаев амнезии. Удалось, правда, выделить несколько письменных свидетельств, озадачивших меня именно поразительным сходством с моим собственным опытом. Часть из них относилась к древнему фольклору, другие представляли собой истории болезни, обнаруженные в медицинских архивах; было даже два или три анекдота, затерявшихся на страницах общей истории.

Таким образом, моя форма заболевания оказалась невероятно редкой, хотя примеры ее при желании можно было найти в самые разные исторические эпохи. На некоторые столетия приходилось по одному, два, а то и по три таких случая, на другие — вообще ни одного, по крайней мере, ни одного документально подтвержденного.

Суть каждого из этих случаев была одна и та же: человек, обладающий острым и незаурядным умом, в один прекрасный момент вдруг резко меняется и начинает вести образ жизни, в корне отличный от прежнего, что продолжается в течение более или менее значительного отрезка времени. На первых порах перемена эта характеризуется потерей памяти, а также частичной либо полной утратой речевых и двигательных навыков, а затем — невероятно быстрым поглощением знаний в различных областях науки, истории, искусства и антропологии, причем эта бурная активность сочетается с какой-то нечеловеческой способностью к усвоению огромных объемов информации. После этого происходит

столь же внезапное возвращение первичного существа, и человеку до конца его дней периодически досаждают неясные потусторонние сны, содержащие обрывки необычных и страшных воспоминаний, тщательно удаленных кем-то из его сознания.

Близкое сходство найденных описаний ночных кошмаров с моими собственными — вплоть до самых, казалось бы, второстепенных деталей — не оставляло сомнений в их безусловной однородности. В одном или двух случаях у меня промелькнуло смутное ощущение знакомства, словно я прежде уже общался с этими людьми по каким-то неведомым космическим каналам, природа которых не поддается логическому осмыслению. Трижды в рассмотренных нами отчетах встречалось упоминание о неизвестном аппарате вроде того, что был доставлен в мой дом накануне обратного превращения.

В ходе расследования я наткнулся на еще одну заинтересовавшую меня подробность: как оказалось, в истории были не так уж редки случаи кратких явлений все тех же характерных кошмарных образов людям, никогда не впадавшим в состояние амнезии.

На сей раз это были люди более чем заурядных умственных способностей — иные из них находились на столь примитивном уровне развития, что казалось просто невозможным представить их в роли пусть даже элементарного телесного проводника для чужого разума с его ненасытным стремлением к познанию. На какую-то долю секунды люди эти ощущали на себе обжигающе-пронзительное воздействие внешних сил, затем эта волна откатывалась, оставляя лишь слабое воспоминание о мгновенно открывшихся человеку ужасах вселенской бездны.

За последние полвека было отмечено по меньшей мере три таких случая — последний около пятнадцати лет назад. Не походило ли все это на поиск вслепую, ведомый кем-то очень далеким от нас, кем-то скрывающимся в неизмеримых глубинах времен? Не имели ли мы дело с чудовищными экспериментами, источник и смысл которых лежали за гранью человеческого понимания?

Таковы были лишь некоторые из вопросов, мучивших меня в те часы, когда моя фантазия особенно распялялась под влиянием сделанных мною открытий и следующих отсюда предположений и домыслов. И все же было бы нелепым отрицать наличие какой-то связи между легендами незапамятной древности и сравнительно недавними проявлениями странной амнезии, жертвы которой — точно так же, как и лечившие их врачи, — не имея никакого понятия о других подобных случаях, везде описывали одни и те же индивидуальные симптомы, во всех деталях совпадавшие с моими.

Я по сей день опасаясь пускаться в рассуждения относительно природы моих снов, становившихся со временем все более навязчивыми. В них все чаще начали проглядывать зловещие признаки безумия, и я порой всерьез тревожился за свое душевное здоровье. Быть может, я имел дело с особым рода заблуждением, характерным для всех вообще людей, переживших временную потерю памяти? Не исключено, что первопричиной этого явились попытки нашего подсознательного существа заполнить образовавшийся вдруг пробел некими порожденными внутри нас самих псевдовоспоминаниями.

Данной точки зрения — хотя мне лично больше нравилась альтернативная теория фольклорных традиций — придерживались многие психиатры, помогавшие мне в поисках идентичных клинических случаев и разделявшие мое изумление по поводу их несомненного сходства с моим собственным. Они не считали это состояние сумасшествием в чистом виде, классифицируя его скорее как одну из форм нервного расстройства. Полностью одобряя мою склонность изучать и анализировать это явление вместо того, чтобы попытаться забыть его или скрыть, они расценивали такие действия как абсолютно нормальные и правильные с точки зрения принципов психологии. С особым интересом я прислушивался к словам тех врачей и ученых, которые обследовали меня еще в период, когда моя физическая оболочка принадлежала другой личности.

Первые признаки моего расстройства не имели характера визуальных образов — это были уже упомянутые мной неясные и абстрактные ощущения. В частности, у меня постепенно развился страх перед самим собой, точнее — перед собственным телом. Я всячески избегал смотреть на него, как будто ожидал увидеть нечто совершенно чужое и непередаваемо отвратительное. Когда я все же решался опустить взгляд и видел свои ноги — обычные человеческие ноги в серых или голубых брюках, — я испытывал огромное облегчение, хотя для того, чтобы совершить сей нехитрый поступок, мне каждый раз приходилось выдерживать нелегкую внутреннюю борьбу. Я старательно отворачивался от попадавшихся на моем пути зеркал и всегда брился только в парикмахерских.

Далеко не сразу я уловил связь между этими явлениями и мимолетными зрительными галлюцинациями, к тому времени также начавшими меня преследовать. Впервые я это понял, когда почувствовал, как некая внешняя сила пытается искусственно отгородить отдельные участки моей памяти.

Эти короткие, как вспышки, галлюцинации, безусловно, имели особый глубинный смысл и непосредственно касались крайне важных для меня вещей, но чье-то постороннее вмешательство не оставляло мне никаких надежд проникнуть в этот смысл и разгадать суть этих вещей. Нечто непонятное творилось и со временем: раз за разом я отчаянно и безуспешно пытался расположить обрывки видений хоть в какой-то хронологической последовательности.

Сами видения были поначалу скорее просто непривычными, нежели наводящими ужас. Мне казалось, что я нахожусь внутри огромного помещения, величественные каменные своды которого едва виднеются в вышине. Монументальность и строгая форма арочных перекрытий чем-то напоминали постройки времен Римской империи. Я разглядел колоссальных размеров полукруглые окна, гигантские двери и множество пьедесталов или столов, каждый высотой с обычную комнату. Длинные полки из темного дерева тянулись вдоль стен и были заняты рядами непомерно больших фолиантов с иероглифическими символами на корешках.

Все видимые участки каменной кладки были покрыты затейливой резьбой — изогнутые линии, пересекаясь и расходясь под всевозможными углами, создавали впечатление математически выверенной композиции и в конечном счете образовывали все те же странные иероглифы. Гранитные блоки чудовищной величины, из которых были сложены стены, имели — судя по линиям стыка — выпуклую верхнюю часть, идеально подогнанную под вогнутую поверхность следующего ряда кладки.

В помещении не было стульев или кресел, но широкие пьедесталы были заняты лежавшими в беспорядке книгами, листами бумаги и тем, что, вероятно, играло роль письменных принадлежностей: фигурными кувшинами из фиолетового металла и стержнями, один конец которых был заострен. Хотя эти огромные тумбы были выше моего роста, я, тем не менее, временами получал возможность как бы взглядывать на них сверху. На некоторых из них стояли большие круглые сферы из светящихся кристаллов, служивших здесь вместо ламп, и непонятные механизмы, самыми заметными деталями которых были стекловидные трубки и длинные металлические рычаги.

Окна были застеклены и забраны решетками из толстых прутьев. Я не решился приблизиться к ним и выглянуть наружу, но с того места, где я стоял, были видны верхушки отдельных папоротникообразных растений. Пол был вымощен массивными восьмиугольными плитами; ковры или портьеры при этом отсутствовали.

Позднее мне привиделось, будто я медленно передвигаюсь по циклопическим каменным коридорам, опускаюсь и поднимаюсь наклонными галереями — лестниц нигде не было, так же как не было ни одного прохода шириной менее тридцати футов. Отдельные части зданий, внутри которых я находился, казалось, поднимались в небо на высоту нескольких тысяч футов.

На разных уровнях я встречал множество темных сводчатых склепов и люков с никогда не поднимавшимися крышками, опечатанных металлическими полосами и — это ощущалось сразу — скрывавших внизу что-то таинственное и непередаваемо жуткое.

Я был здесь как будто на положении пленника, и безысходный ужас, казалось, витал надо всем, на что бы я ни направил свой взор. Я чувствовал, что издевательски кривляющиеся иероглифы на стенах несут в себе смертельную опасность, от которой — как это ни странно — одно лишь неведение может меня уберечь.

Далее мне открывались виды за полукруглыми окнами здания и еще более широкая перспектива, обозреваемая с его крыши — огромной плоской крыши с разбитыми на ней садами и высоким зубчатым парапетом, — на которую я поднялся по одной из верхних наклонных галерей.

Я увидел бесконечные ряды окруженных садами монументальных строений, протянувшиеся вдоль мощеных улиц, каждая шириною в добрых двести футов. Здания сильно отличались одно от другого по внешнему облику, но редко какое из них не достигало пятисот футов в поперечнике и тысячи футов в высоту. Иные простирались на несколько тысяч футов по фасаду, а иные врезались вершинами в серые пасмурные небеса.

Все это было построено из камня или бетона с использованием того самого изогнутого типа кладки, что был отмечен мною еще в самом начале. Крыши были плоскими, часто с небольшими садами на них и почти всегда с зубчатыми парапетами. Иногда мне попадались на глаза террасы, приподнятые над уровнем земли открытые площадки и широкие поляны посреди сплошного моря растительности. На дорогах мне порой удавалось заметить некие признаки движения, но в ранних своих снах я еще не мог разобраться в этих деталях.

На определенном расстоянии друг от друга стояли грандиозные темные башни цилиндрической формы, далеко возвышавшиеся над остальными строениями. В отличие от последних, все эти башни имели однотипную конструкцию и казались намного более древними — даже при взгляде на них издали возникало ощущение упадка и медленного

разрушения. Они были выложены из прямоугольных базальтовых глыб и слегка сужались от земли к закругленным верхушкам. Ни в одной башне не было окон или иных отверстий, кроме огромных дверей внизу. Я разглядел еще несколько зданий поменьше, также несших на себе печать времени и по своему архитектурному типу схожих с цилиндрическими башнями. Вокруг этих угрюмых сооружений как будто концентрировалась атмосфера страха и скрытой угрозы — та же самая, что расплзалась от запечатанных люков в нижних этажах дворца.

Разбросанные всюду сады тоже выглядели весьма зловеще: очень уж непривычными были растения, раскачивавшиеся на ветру по сторонам широких аллей. Преобладали, как ни странно, гигантские папоротники — иногда зеленые, а иногда отвратительно бледные, цвета поганки. Местами над зарослями поднимались пальмы с тонкими и коленчатыми, как у бамбука, стволами. Были там также росшие пучками подобия цикадовых, заросли странных темно-зеленых кустарников и деревья, напоминавшие по виду хвойные.

Цветы — мелкие, бледные и совершенно мне незнакомые — были высажены в клумбах различной конфигурации и во множестве виднелись просто среди травы. На отдельных террасах или в разбитых на крышах садах можно было увидеть более крупные и яркие цветы, отнюдь не радовавшие глаз своими отвратительно хищными формами, — эти, вне всякого сомнения, были плодами искусственной селекции. Невероятной величины и окраски грибы располагались в соответствии с определенной схемой, что выдавало наличие хорошо развитой садоводческой традиции. В больших парках внизу еще можно было заметить стремление сохранить естественный растительный покров, но садики на крышах были ухожены вплоть до фигурной стрижки кустов и деревьев.

Небо почти постоянно было затянуто тучами, и временами я становился свидетелем потрясающих грозовых ливней. Изредка появлялось и солнце — оно было куда крупнее обычного — или луна, на поверхности которой я не смог обнаружить никаких известных мне примет. В одном-двух случаях, когда небо прояснялось, я мог наблюдать созвездия, но почти ничего не узнавал. Даже те немногие, что казались мне знакомыми, были как-то странно искажены и смещены; по их положению на небе я определил, что нахожусь где-то в Южном полушарии, в районе тропика Козерога.

Дальний горизонт скрывался в дымке, сквозь которую я различал за пределами города полосу джунглей, состоявших из гигантских папоротников, пальм, лепидодендронов и сигиллярий; все это фантастическое нагромождение крон, стволов и ветвей призрачно колебалось

в поднимавшихся от земли потоках испарений. В воздухе над городом чувствовалось перемещение каких-то тел, но пока еще я не мог разглядеть их как следует.

Начиная с осени 1914 года меня начали посещать сны, в которых я как бы совершал медленный полет над городом и его окрестностями. Я видел широкие дороги, уходившие через дремучие заросли к другим расположенным поблизости городам столь же причудливо-мрачной архитектуры. Я видел чудовищные сооружения из черного либо радужного камня на полянах и расчищенных участках леса и длинные дамбы, перерезавшие темное пространство болот.

Однажды подо мной открылась протянувшаяся на много миль равнина, сплошь усеянная руинами базальтовых строений, близких по стилю к тем лишенным окон закругленным башням, что привлекли мое внимание еще в первом городе.

И только много позднее я в первый раз увидел море — туманное пространство, уходившее в бесконечность за каменными молами одного из гигантских городов и отвлекавшее утомленный взор от этого невероятного скопления дворцов, куполов и арок.

III

Как я уже отмечал, эти видения далеко не сразу начали проявлять свою зловещую природу. Многим людям, случается, снятся и более странные сны — составленные из бессвязных обрывков дневных впечатлений, картин и прочитанных книг, прихотью воображения слитых в одну фантастическую сюжетную форму.

Иной раз я пытался воспринимать свои сновидения как нечто вполне естественное, хотя никогда ранее не был предрасположен к вещам подобного рода. Многие из этих кажущихся аномальными явлений, убеждал я себя, в действительности могли иметь массу самых простых и обыденных источников, выследить и раскрыть которые мне не удавалось по каким-то чисто субъективным причинам; другие же могли отражать почерпнутые из книг сведения о растительном мире и прочих деталях жизни планеты в доисторическую эпоху, каких-нибудь сто пятьдесят миллионов лет назад — в Пермский или Триасовый период.

По прошествии нескольких месяцев, однако, чувство страха начало постепенно брать верх над всеми остальными. Сны к тому времени уже приобрели вид непосредственно личных воспоминаний; тогда-то я и попробовал провести связь между ними и абстрактными ощущениями иного рода — наличием некоего барьера, блокирующего отдельные участки моей памяти, нарушением временного восприятия, пребыванием в

СОДЕРЖАНИЕ

За гранью времен (повесть)..... 3

Рассказы

Зов Ктулху.....74

Серебряный ключ..... 106

Сияние извне 119

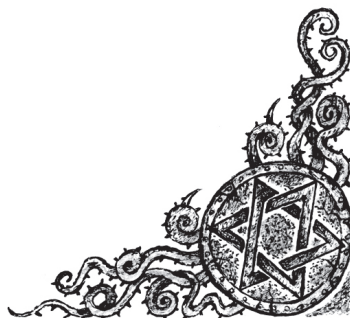
Кошмар в Ред-Хуке..... 155

Зверь в пещере 184

Сны в ведьмином доме 191

Пёс..... 234

Лунная топь 243

Литературно-художественное издание

16+

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

Зов Ктулху

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 04.2024. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».

Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2
Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2